

ременный городской фольклор. М., 2003. С. 599—619.

Ковпик 2008 — *Ковпик В. А., Кулагина А. В.* Рукописные тетради с духовными стихами из Воскресенского района Нижегородской области // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 4. Сыктывкар, 2008. С. 140—169.

Костюхин 1994 — *Костюхин Е. А.* Литература и судьбы фольклора // Живая старина. 1994. № 2. С. 5—7.

Лурье 2008 — Поэзия в казармах: Русский солдатский фольклор / под ред., сост., вступ. ст., коммент. М. Л. Лурье. М., 2008.

Малышев 1956 — *Малышев В. И.* Повесть о Сухане. М.; Л., 1956.

Неклюдов 1994 — *Неклюдов С. Ю.* О слове устном и книжном // Живая старина. 1994. № 2. С. 2—3.

Никитина 1993 — *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Панченко 1998 — *Панченко А. А.* «Магическое письмо»: к изучению религиозного фольклора // Антропология религиозности (Альманах «Канун». Вып. 4). СПб., 1998. С. 175—216.

Позднеев 1996 — *Позднеев А. В.* Рукописные песенники XVII—XVIII вв. М., 1996.

Пословицы 1961 — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.; Л., 1961.

Разумова 2009 — *Разумова И. А.* Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // До и после литературы: тексты «наивной словесности» / сост. А. П. Минаева; отв. ред. Е. Е. Жигарина. М., 2009.

Русские сказки 1961 — Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII вв.). М.; Л., 1961.

Соколова 1960 — *Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI—XVII вв. М., 1960.

Сперанский 1932 — *Сперанский М. Н.* Из материалов для истории устной песни // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1932. № 10. С. 913—934.

Сперанский 1958 — *Сперанский М. Н.* «Сказание о семи богатырях» — повесть XVII века // *Slavia*. 1958. R. 27. № 1. С. 1—29.

Топорков 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М., 2010.

Топорков, рукопись — *Топорков А. Л.* Программа курса лекций «Русский фольклор в записях XVII—XVIII вв.» (рукопись).

Шумов 2003 — *Шумов К. Э.* «Шифровки», «эпистолы», поздравления и пожелания в рукописных традициях // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 711—732.

В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ХРАНЕНИЕМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РУКОПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ (на материалах Владимирской области)

Аннотация. В статье рассматриваются запреты и предписания, регулирующие обращение с рукописными сборниками текстов религиозного и магического содержания, с одной стороны, и песенниками, с другой. Выявлен ряд нормативов календарного характера, а также прескрипций, связанных с возрастным, социальным и физиологическим статусом человека. Был сделан вывод о том, что нормативы, связанные с рукописными тетрадями, возникли в конце XIX — начале XX в. и продолжают активно бытовать в настоящее время, подвергаясь определенным трансформациям.

Ключевые слова: фольклористика, культурная антропология, поверья, запреты и предписания, нормативы.

Сведения о бытовании письменных форм различных фольклорных произведений фиксировалась как в XIX, так и в XX в. Как отмечает Ю. А. Новиков «в тетрадки и на отдельные листы переписывали “для памяти” эпические песни, древнейшие баллады и духовные стихи..., иногда загадки и пословицы, обрядовые и лирические бытовые песни, повсеместно — заговоры...» [Новиков 2000, 58]. Мы полностью разделяем мнение С. Е. Никитиной о том, что для русской народной культуры правомерно говорить о «письменной традиции» [Никитина 1993, 32], поскольку рукопись, безусловно, нужно рассматривать как форму бытования фольклорного текста, а не только как средство его распространения. Интерес к рукописным формам бытования фольклора возник еще в XIX в. Достаточно назвать фамилии Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, А. П. Щапова, А. Н. Веселовского,

И. Я. Порфирьева и других исследователей, которые обращались к изучению рукописных заговоров, духовных стихов и неканонических молитв [Буслаев 1849, 103—112; Афанасьев 1862, 72—80; Шапов 1863, 54—63; Веселовский 1881, 1—150; Веселовский 1895, 226—234; Майков 1869; Тихонравов 1898, 127—255; Порфирьев 1891, 1—24; Симони 1899]. В этот период научной общественности были представлены рукописные сборники заговоров, духовных стихов, легенд, т. е. тех жанров фольклора, для которых точность воспроизведения словесной формы считается желательной и даже обязательной. Н. Е. Ончуков в своей книге представил записи народных драм, знание полного текста которых необходимо «режиссеру» для осуществления постановки, поскольку актеры обычно не знают досконально текста своих ролей [Ончуков 1911, VII, XII].

Однако к 20-м гг. XX в. интерес к рукописным собраниям фольклора постепенно угас. Можно назвать лишь отдельные работы, связанные с анализом фольклорных рукописей, например, статью Е. Н. Елеонской о рукописной традиции бытования заговоров [Елеонская 1912], статью С. Ф. Елеонского о сказке в рукописной традиции [Елеонский 1954] и исследование П. С. Богословского, посвященное рукописным заговорам Кунгуро-Красноуфимского края [Богословский 1925]. Даже в предвоенные годы, когда получили широкое хождение рукописные песенники и девичьи альбомы, собиратели практически не фиксировали данный материал. Насколько нам известно, к этому времени относятся только 15 рукописных альбомов из Красносельского района Костромской области, хранящиеся в фондах Рукописного отдела ИРЛИ РАН.

В настоящее время интерес к рукописной форме бытования фольклорных текстов существенно вырос. Это связано с тем, что обнаружено много новых рукописных фольклорных текстов. При раскопках в Новгороде найдены берестяные грамоты с текстами заговоров, при работах в архивах — сборни-

ки заговоров XVII—XIX вв. В фольклорно-этнографических экспедициях фиксируются современные рукописные собрания текстов. Специалисты по городскому фольклору обращаются к бытованию в современном обществе тетрадей с песнями, анекдотами, анкетами, девичьими рассказами и т. п. [Борисов 2002; Неклюдов 1997; Архипова 2001; Щепанская 2001]. Более того, многие исследователи отмечают изменение формы передачи и распространения текстов некоторых жанров. Так, если в XIX в. для духовных стихов была характерна устная передача, то в настоящее время они «передаются и распространяются через письменный текст» [Бучилина 1999, 10]. Все это позволяет рассмотреть функционирование рукописных фольклорных текстов в исторической динамике, социальной и локальной принадлежности.

В настоящее время в большинстве сборников фольклорные примеры публикуются без четкого разделения на тексты устного и письменного бытования. Причины такого отношения, например к заговорам, подробно описаны в книге А. Л. Топоркова [Топорков 2005, 10—11].

Проблемы, связанные с бытованием рукописных фольклорных текстов, привлекают в основном внимание двух групп исследователей. С одной стороны, это исследователи городских форм фольклора, с другой — заговоров и духовных стихов [Адоньева, Овчинникова 1993; Бобров, Финченко 1986; Зинченко 1998, Топорков 2005, Смилянская 1995; Соболева 2000, 209—246; Фадеева 1995].

Несмотря на довольно большой объем исследований, посвященных рукописным формам бытования фольклора, сведения о правилах обращения с рукописными собраниями крайне скудны. Так, например, А. Б. Ипполитова, рассматривая владельческие записи, сделанные в травниках, отмечает, что хозяйева, стараясь уберечь записи от воров, накладывали на них своего рода магические заклятья, а также приписывали им некую «самостоятельность» в выборе хозяйина: «Извините, я не ваша,

и не трогайте мене, принадлежу я хозяину». Исследовательница отмечает, что «рукописи ценились, их владельцы желали, чтобы рукописи никто не украл и не “зачитал”» [Ипполитова 2008, 83—84]. Основное наблюдение, которое встречается практически в любой работе о рукописных собраниях фольклорных текстов, — это бережное отношение к тетрадам с записями. Специалисты по заговорам отмечают, что владельцы рукописных текстов стараются не показывать свои тетради всем желающим, хранят их в особых местах (на божнице и т. п.). Что же касается тетрадей с текстами, не имеющими сакрального значения, то правила обращения с ними и вовсе не фиксируются. Тем не менее, записи последних лет, сделанные в рамках сбора материала по запретам и предписаниям в традиционной культуре, показали, что обращение с многими фольклорными текстами требует соблюдения определенных предписаний [Добровольская 2002; Добровольская 2007; Добровольская 2009] и рукописные тексты не являются в данном случае исключением. О правилах обращения с рукописными текстами спрашивались в основном владельцы различных по типу тетрадей, проживающие в разных районах Владимирской области. Как выяснилось, правила обращения с рукописными тетрадями зависят прежде всего от того материала, который в них хранится. Рукописные собрания, с которыми мы сталкивались во время экспедиций, были нескольких типов. Одни представляли собой сборники заговорных текстов. Во вторых содержались тексты духовных стихов и кантов. В третьих были записи канонических и народных молитв, а также фрагменты церковного календаря или его народных модификаций. Наконец, встречались тетради, в которых данные тексты записывались вместе.

Хозяйки данных тетрадей, говоря о правилах и запретах, регулирующих обращение со своими записями, отчасти повторяли нормативы, регулирующие исполнение духовных стихов и заговоров. Это объяснимо, поскольку в той

или иной степени наши информанты являются исполнителями данных текстов. Они лечат заговорами, участвуют в отчитывании покойников и т. п. Таким образом, запреты на использование самих текстов в большинстве случаев переносятся и на тетради, в которых они записаны. Подробнее прескрипции, связанные с исполнением заговоров и духовных стихов, рассмотрены в двух работах автора [Добровольская 2007; Добровольская 2009]. Нами были зафиксированы и особые правила, относящиеся непосредственно к тетрадям. Заметим, что дети и внуки бывших владельцев, которые не пользуются данными материалами и хранят их как память об умершем родственнике, тем не менее знают и соблюдают наиболее известные правила хранения и демонстрации тетрадей.

В то же время среди тетрадей наших исполнителей попадались и собрания совершенно иного типа. С одной стороны, это песенники, включающие тексты песен и частушек, с другой — тетради, в которых содержатся записи самого разного содержания. В них помимо песен и частушек есть наиболее употребительные заговоры, духовные стихи, молитвы, приметы, рецепты, номера телефонов и дни рождения родственников и т. п. Иногда в них встречаются вырезки из журналов и газет, чаще всего с кулинарными рецептами и медицинскими рекомендациями.

Безусловно, отношение исполнителей к тетрадям перечисленных типов различно.

Тетради первого типа, содержащие религиозные или магические тексты, чаще всего хранятся рядом с иконами на божнице или под божницей: *«Эта тетрадка, она у меня у иконок лежит, на Божьей полке»* или *«Тетрадку я кладу только вот в эту тумбочку, под Боженькой, под иконы. Поближе к Богу»* (В. Н. Козлова). Считается, что тетрадку после использования необходимо сразу же положить на место, так как в противном случае *«ее нечистый дух попортит»* (П. И. Жигалина). Наши исполнительницы говорили о том, что оставленная не на месте тетрадка теря-

ет свою ценность, так как содержащиеся в ней тексты заговоров утрачивают свою силу: «*Вот тетрадку надо обязательно убирать к иконам, к иконам надо поближе класть. Если вот оставить ее, то всё. Все молитовки помогут перестают. Сила уходит. Теряется сила. Прочитать-то можешь, а не помогает, а вот ведь так-то читал — и помогает, а вот оставил — и не помогает. Надо тетрадку к иконкам-то класть*» (Е. А. Абрамушкина). Казалось бы, для тетради с духовными стихами запрет на быстрое возвращение на божницу после использования может действовать не так жестко, поскольку духовные стихи не теряют свою силу. Тем не менее, и она также должна лежать у икон, поскольку за оставленную не на месте тетрадку «*Бог накажет, к божественным вещам ведь уважение. Вот икону же не бросишь или там псалтырю. Вот же лежат у икон. Так вот и тетрадки с кантами нельзя бросать. Бог накажет. Болеть будешь или чего*» (Г. И. Никитина).

Существуют запреты, регулирующие обращение с данными тетрадями в те или иные календарные даты. Так, большинство исполнителей уверенно говорили, что не только использовать тетради, но даже дотрагиваться до них в дни *грозовых праздников* нельзя. Например, считается, что на День великомученика Георгия Победоносца (6 мая) не только нельзя пользоваться тетрадями, но даже трогать их: «*Вот Егорий Бедоносец такой день тяжелый, нельзя тетраточку с боженки брать. Егорий сердитый — накажет. В этот день нельзя молитовки петь. Стихи вот эти-то. Молиться можно, молиться всегда можно*» (А. И. Логинова) или «*Нельзя на Егория Вешнего лечить молитовками, тетрадки вот и не берем с Божьей полки. Вообще лучше и не трогать тетрадки. Говорят, Егорий силу у молитовок заберет, не сможешь более лечить*» (А. А. Завьялова).

Многие исполнители верят, что если дотронуться до тетрадки на Благовещенье, которое в данной традиции считается тяжелым и опасным днем, то будешь болеть весь год: «*Если вот*

только на Благовещенье до тетрадки дотронешься — всё, весь год болеешь. Благовещенье суровый день, нельзя тетрадку трогать» (В. И. Беляева). Некоторые исполнители отмечают, что если на Благовещенье дотронуться до своих записей, то в течение всего года день недели, на который пришелся праздник, будет неудачным для лечения больных: «*Вот если на Благовещенье тетраточку-то взял, то уж вот какой день это было, вот весь год в этот день лечить-то пустое, в этот день без толку всё. Нельзя в этот день тетрадку трогать*» (Е. А. Моисеева). Вероятно, это частный случай запрета в течение года работать или начинать работу в тот день недели, на который пришлось Благовещенье: «*Вот если Благовещенье на среду там пришло или там на вторник, то вот весь год в этот день и не работали, а уж начинать что — не дай Бог*» (А. И. Шубина). Более того, считалось, что если Благовещенье пришлось на понедельник, то, дотронувшись до своей тетради, человек терял способность лечить по понедельникам на всю жизнь: «*Вот у меня мама хорошо лечила, ну, вот по пятницам никогда не лечат, это там все, все не отчитывают по пятницам. Но вот мама и по понедельникам не бралась. Она говорила, что как-то Благовещенье на понедельник пришло, и она вот как-то так вот до тетрадки до своей дотронулась. Ну, нельзя вообще трогать в Благовещенье тетрадки-то. Ну, тут вот что-то тронула. А вот же понедельник был. И вот сила-то по понедельникам от нее ушла. Она по понедельникам не отчитывала*» (В. П. Глебова). Во Владимирской области нами не были зафиксированы представления о том, что если Благовещенье приходится на понедельник, то все понедельники в течение года становятся крайне опасными. В нашем распоряжении лишь несколько частных вариантов поверий, связанных с усилением неблагоприятного характера понедельника в том случае, если на него пришелся праздник Благовещенья. В соседней Нижегородской области зафиксирован запрет на совершение любой работы по понедельникам, если

на этот день пришлось Благовещенье [Корепова 2009, 244]. Хотя Благовещенье чаще всего является постовым праздником, в который рекомендуется «петь молитовки», исполнители духовных стихов, замечали, что в этот день поют *«по памяти, тетрадошки трогать нельзя, а то по тебе следующей петь будут»* (В. Л. Маркасова). Считается, что тот, кто дотронется до своих записей в Благовещенье, в ближайшее время умрет.

Причину запрета трогать свои записи на Казанскую многие исполнители видят в опасности пожаров: *«Нельзя тетрадки трогать на Казанску — дом сгорит, всё так говорили»* (Е. И. Самойлова). Однако, некоторые исполнители заговоров, проживающие в основном в зонах, где ошутимо нижегородское влияние, отмечают, что трогать тетрадки на Казанскую нельзя еще и потому, что *«можешь колдуньей стать, не Божьим словом, а нечистый помогать будет»* (Г. М. Пикина). Материалы исследуемого нами региона не позволяют ответить на вопрос, почему день Казанской иконы связывается с колдунами. В Нижегородском Поволжье Казанская считается днем, когда распознают и обезвреживают пережинщиц [Корепова 2009, 358]. Однако в наших материалах сведения о пережинщицах единичны и не связаны с рассматриваемой календарной датой. Тем не менее, можно предположить, что на данной территории существовали представления о колдуньях, которых можно было выявить на Казанскую, что могло повлиять на возникновение запрета дотрагиваться до тетрадей, так как это неким опосредованным образом могло стать свидетельством наличия у хозяина тетради связи с нечистой силой.

Запреты Петрова и Ильина дня однотипны и практически идентичны запретам на Казанскую. В эти дни нельзя дотрагиваться до тетрадей, прежде всего, во избежание пожаров: *«На Петров вот день я вот молитовки по памяти пою, нельзя тетрадки-то с боженки снимать. Если вот до них дотронешься, то пожары замучают, весь год гореть будет»* (Л. С. Сорокина) или *«На Илью*

все знают — тетрадки трогать нельзя. Кто дотронется — у того весь год гореть будет, и дом, и сено — обязательно займется» (Т. Г. Калинина). Однако существует и другая мотивировка данного предписания: *«Нельзя, все говорят, тетради на Петровки трогать, дожди замучат, все гнить будет»* (Н. П. Рожкова). И тот, и другой тип мотивировок типичен для данного временного отрезка, поскольку Петровки и Ильин день в данном регионе связаны с сенокосом, для которого одинаково страшны и дожди, и пожары.

Чрезвычайно редкими оказались ограничения на использование тетрадей, связанные с временем суток. В данном регионе довольно широко распространен запрет на многие виды деятельности в период утренней службы в церкви. Аналогичный запрет распространяется и на некоторые виды рукописных тетрадей. Так, тетради с заговорами нельзя трогать, пока в церкви идет служба: *«Вот пока служба-то в церкви идет, с утра-то; вот если молитовками лечит кто, то уж нет — тетрадок не трогает. Бог, говорят, накажет. Вот от чего лечит — тем и болеть будет»* (А. Н. Гасова). На тетради с духовными стихами данный запрет не распространяется: *«Их, если не особый день какой, не Благовещенье там или Петровки, всегда взять можно — ничего не будет, а уж на Благовещенье ни-ни»* (Н. А. Маркова). Более того, если во время службы человек не может быть в церкви, то наиболее правильной формой его поведения является чтение духовных стихов из его тетради: *«Вообще в церкву каждый день надо ходить на службу-то, но у нас далеко, Спас-Железино далеко от нас. Вот и поем молитовки, ну, стихи-то вот эти, пока служба идет. Говорят, так правильно, а если не петь, то уж тут Бог накажет, говорят, вся родня болеть будет»* (Л. И. Куркова). Напротив, некоторые исполнители оговаривают необходимость в утренние часы, но до церковной службы достать с божницы тетрадки с заговорами и *«показать их заре»*: *«Говорят, утром до службы, еще до солнца нужно тетрадки взять и показать*

первому солнышку — чтоб у слов-то сила была» (В. А. Серова).

Полдень и полночь считаются в данной традиции опасным временем [Добровольская 2006]; содержимое тетрадей во многом выполняет роль оберега для человека, поэтому не существует запрета брать тетради в это время. Рукописная тетрадь может быть снята с божницы, это даже рекомендуется делать в опасные часы: «*Вот в полночь-то нечистый ходит, людей смущат. Тут вот тетрабочку-то с молитовками.* <С теми, которые поете? — Соб.> *Их можно, но тогда нужно молитовки петь. Вот уж взял — пой. Берешь молитовки-то, которыми лечишь, и вот с Божьей полки сьмай. Сняла и держи, пока черное время пройдет. Очень это помогает от нечистого*» (А. Б. Волганова). Как видно из приведенных примеров, в отличие от тетрадей с духовными стихами, продолжением бережного действия которых является исполнение текстов: «*Вот уж взял — пой*», — тетради с заговорами не рекомендуется даже открывать, не говоря уже о произнесении заговоров. Здесь необходимо отметить, что произнесение заговоров в данной традиции в полдень или полночь запрещено [Добровольская 2009]. Более того, использование текстов в это время опасно — произнесение заговоров привлекает нечистого. Таким образом, вероятно, тетрадь сама по себе выполняет функцию оберега. Возможно, это связано с силой, приписываемой рукописному слову: «*Вот у моей мамы тетрабочка была, она туда молитовки писала, вот которыми лечила, те и писала. Вот папа-то умер, и он к ней ходить начал, она плакала больно. Так вот, она тетрабочку ту брала и сидела с ей — он и перестал ходить.* <А она может быть читала что-то из тетрадки? — Соб.> *Что ты. Как можно. Кто ж ночью молитовки-то читает? Нельзя, нечистый придет. А она вот от него спасалась, чтоб не ходил. Сидела только и держала ее. Она ж сама молитовки-то писала, рукой своею. Они когда написаны — спасают от нечистого*» (К. М. Рогоськина). Можно предположить, что в данной традиции сила рукописного

слова была хорошо известна, поскольку имеется ряд упоминаний о том, что в случае опасности можно было брать любой рукописный текст: «*Вот я помню, брат мой умер, убили его. Он ходил очень. Бабушка всегда тетрабочку свою возьмет и сидит. Он уходил. А раз как-то ее не было, она к дяде уехала. А мы еще малые были. И вот опять стучит. А бабушка свою тетрабочку не давала, не разрешала трогать. А вот страшно. И мы вот сестрины прописи взяли, тогда чистописание было, чернилами-то писали. И вот с ее тетрадкой-то и сидим. Вроде перестал. Потом уж сказали, что если слова написаны, то уж они спасут от врага. Я уж теперь вот это знаю и, вот если что, свою тетрадку-то и беру. Только свою надо брать*» (А. Н. Емельянова).

Особого отношения требовали тетради во время некоторых пограничных ситуаций. Опасались дотрагиваться до тетради, если у какой-нибудь девушки в семье начинались регулы: «*Вот как перво платно пришло у дочки, у внучки — опасались тетрадку при ней трогать. Нет в доме — брали, а видит — нет, боялись, что платно долго будет*» (А. И. Моисеева). Если у самой владелицы записей были регулы, то на ее обращение с тетрадью распространялись те же запреты, что и на обращение с иконами в этот период [Судогда 2001].

При наличии в доме девушки на выданье во избежание угрозы стародевства любая ее родственница, пользующаяся тетрадями для отпевания покойника или заговаривания болезней, не должна была снимать тетрадь с божницы в присутствии потенциальной невесты: «*Как девка заневестилась, тут следили. Вот если она в комнате, то уж при ней тетрадку не брали — всё, говорят, как тетрадку-то она увидит, так в девках ей сидеть*» (Н. С. Рогожина). Эти правила распространяются и на беременных женщин. Полагают, что увиденная ими тетрадь с заговорами или духовными стихами может привести к выкидышу, преждевременным родам или смерти младенца: «*Если вот кака баба в семье брюхата, ну, у вас го-*

ворят — беременна, то уж при ей тетрадку с боженки не снимут, при ей не снимут: младеня помереть может, а то роды раньше начнутся, или выпростает дитя» (В. Н. Буйлова).

Запреты распространялись и на мужчин, находящихся в пограничных ситуациях. Тетрадь опасались брать в присутствии призывника во избежание его смерти или невозвращения в родительский дом: «Вот у меня бабушка тетрадку имела, она лечила словами этими, молитвами. Они у нее записаны были. Она грамотна была, у нее кулугурская вера — они грамотные, она записывала молитовки-то. Брата вот когда на войну забрали, к ней пришли там с чем-то, а она тетрадку всегда брала. А тут он в доме сидит. Она его послала зачем ни то во двор, он вышел — она только тогда взяла. Потом уж сказала — чтоб на войне не убили, чтоб домой вернулся. Нельзя, говорят, солдатика видеть тетрадки — домой не вернется» (М. Ф. Безбородова). Есть сведения о том, что тетрадки с заговорами и духовными стихами не должны были видеть мужчины, уходящие на заработки, а также те, кто мог быть арестован или должен был предстать перед судом.

Опасались брать тетради, особенно содержащие духовные стихи похоронно-поминальной тематики, если в доме были больные: «Я долго тетрадку не брала, пока муж вот хворал, все говорят, его и поминаешь, а всё одно помер, но брать нельзя — может помереть тот, кто не сильно хворый. Он бы, может, жил, а тут тетрадку взяли от икон, и он помер» (К. Г. Бушкирева).

Довольно устойчивы запреты на соприкосновение с тетрадями перед некоторыми видами работ. Так, если предстоял первый сев или первый покос, жена засевальщика или косца не должна была в его присутствии брать тетрадку со своими записями: «Вот косят мужики, у них слов нету, разве молитва кака защита, или там на шее в мешочке таком специальном раньше носили, а баба слова знает, они у ей в тетрадочке. Уж если ему по первому разу засевай, она при ем никогда не сымет

с боженки-то, говорят, все посохнет» (З. А. Антонова) или «Если первый раз косят в год, то при мужике тетрадь от икон не берут — сено гнить будет» (З. В. Святова). Если сама владелица тетради собиралась начать ткать, то ей нельзя было дотрагиваться до своих записей: «а то работа в пустую, ткань вся рваться будет, одежда из ее вся погниет» (А. С. Егунова).

Если запреты, распространяющиеся на тетради с текстами заговоров и духовных стихов, связаны с определенной опасностью, исходящей от самих текстов, то, казалось бы, на обращение с тетрадями, содержащими тексты песен и частушек, подобные предписания распространяться не должны, поскольку тексты в большинстве случаев не наделяются магическими свойствами. Несмотря на напрашивающийся вывод, запреты на обращение с тетрадями, содержащими песни и частушки, зафиксированы. Связаны они в основном с правилами демонстрации и копирования текстов.

Если тетради с текстами религиозно-магического содержания принято хранить рядом с иконами, то большинство информантов, отвечая на вопрос о том, где нужно хранить песенник, обычно отвечают: «Не на виду, в ящичке там, лучше вот где белье» (Н. И. Борисова). Песенник называют *девичье баловство*, *безделица*, но в то же время считают, что обращение с ним требует определенной осторожности, поскольку в противном случае владельцу песенника грозят определенные неприятности.

Прежде всего, предписания касаются времени, когда тетради не рекомендуется трогать. Такими периодами являются Великий и Филипповский посты: «Вот постом песен петь нельзя, так вот и тетрадки с песнями не берут, лежат так просто, не трогают их, говорят, грех. Если вот в пост возьмет песенки, то уж, говорят, после поста плакать придется. Видно, помрет кто или что случится» (З. А. Антонова). Однако на вопрос собирателя о том, что делать с песенниками в Петровский и Успенский посты, большинство исполнителей не знали, и лишь наиболее пожилые от-

ветили, что *«братъ тетрадки с песнями нельзя в Успенё — дожди припоешь, всё погниет»* (Т. П. Ивлева, З. А. Антонова) или: *«в Петровки уж тетрадки не брали, если что по памяти говорили, а петь не пели — пост, хоть и добрый. Говорят, тетрадку возьмешь если, то дожди замучат»* (М. Ф. Безбородова).

В данной традиции нарушение постовых запретов на пение обычно связано со смертью кого-нибудь из родных поющего и построено на оппозиции *«сейчас поет, потом будет плакать»* (Т. П. Бровкина). Запреты, ограничивающие пользование песенниками во время Великого и Рождественского постов, полностью укладываются в эту схему. Предписания же по обращению с песенниками не имеют аналогий с правилами исполнения песен или любых других фольклорных жанров во время летних постов. Более того, мотивировки запретов на выполнение различных работ в этот период обычно связаны не с дождями, а с ветром и пожаром. Но в период сенокоса и жатвы дожди также представляют серьезную опасность, и, наверно, именно этим объясняется появление данной мотивировки для запрета использования песенников в Петровский и Успенский посты.

Существовали и определенные дни, когда не рекомендовалось дотрагиваться до песенников. Таких дней в данной традиции несколько. Наиболее значимыми являются Благовещенье и Иван Постный, менее значимыми — Ильин день и Егорий Вешний (Егорий Бедоносец). В данной традиции Благовещенье считается наиболее тяжелым и опасным днем, с которым связано очень большое число самых разнообразных запретов и предписаний, призванных защитить человека от неблагоприятной силы этого дня (о некоторых из них см.: [Добровольская 2008]). В данном случае на обращение с тетрадями в Благовещенье распространяются те же запреты, что и на пение песен, сохраняется и их мотивировка. Сравним два текста: *«На Благовещенье петь нельзя — Бог накажет»* (М. К. Борисова) и *«Тетрадки с песнями на Благовещенье не берут — Бог, говорят, накажет»* (К. М. Рогоськина).

Как видим, мотивировки идентичны и имеют самый общий характер: «Бог накажет».

Совершенно иная ситуация с Днем Усекновения главы Иоанна Предтечи. Этот день насыщен разного рода предписаниями, однако запрета на пение в данном регионе не зафиксировано. В то же время запрет на пользование в этот день песенником представлен в традиции довольно широко. Мотивировка данного запрета следующая: *«На Ивана Постного танцевать нельзя, а петь можно, разрешали раньше. А вот тетрадки брать нельзя — говорят, голова болеть будет. Вот будешь писать там что ни то, читать, а у тебя голова болеть будет. Нельзя в этот день тетрадки с песнями брать»* (В. С. Бровентьева). В некоторых традициях запреты этого дня, а также магические действия призваны обезопасить человека от головной боли [Толстая 1999], однако в традиции Владимирской области поведение на Ивана Постного никак не связано с головной болью, и данная мотивировка присуща только запретам, связанным с обращением с песенниками.

Пользование песенниками в Ильин день и на Егория Вешнегодень угрожает их владельцу пожаром: *«На Илью Пророка песенники не берут, говорят пожары будут, сгорит что»* (А. Б. Волганова); *«На Бедоносца до тетрадки с песнями и не дотрагивались — пожара боялись все»* (Е. А. Жильцова). И тот и другой день в данной традиции считаются грозными [Добровольская 2005], и обычно считается, что наказанием за нарушение запрета служит пожар.

Запреты календарного характера распространяются на все возрастные группы владельцев песенников. Однако существует ряд нормативов, распространяющихся только на определенные возрастные или социальные группы. Так, начинать вести песенник можно было девушкам только после начала регул: *«Так песни мы пели, даже слова на листочках записывали, а вот первый песенник, вот чтоб тетрадка — это вот уж как платно пришло. Тут уж все завели. Говорили, что нельзя ране, а то совсем не придет, ну не будет и все»*

(А. И. Шубина). Более того, многие пожилые исполнительницы отмечали, что первый песенник они завели тогда, когда над ними в той или иной форме был проведен обряд «хождения в молодье», и они перешли из возрастной группы, называемой *подроща*, в следующую — *рощу*, группу, к девушкам из которой можно было засылать сватов: *«Вот платно пришло, меня водой-то облили, мол, в молодые сходила, так вот говорили, и вот я уж в рощу стала ходить, то подроща была, а тут уж роща. И я вот все песенки записала в тетрадку. Тетрадку себе купила и вот все песенки записала. А так говорили, что нельзя — месячны не придут»* (М. И. Алексеева). В настоящее время этот запрет активно бытует в детской среде, но с определенными изменениями в мотивировке: *«Анкета вот у меня есть, там секретки, ну вот <показывает>, а вот песенник можно заводить после того только, как месячные будут. Вы знаете, ну, что это такое? <Да. — Соб.> Ну, вот уже когда большими становятся. Взрослыми. А так нельзя — на тебя мальчишки обращать внимания не будут»* (А. Майкина).

До песенника не должна дотрагиваться сосватанная девушка во избежание раннего вдовства: *«Нельзя вот, если сосватали, брать песенник, его даже подружки забирали из дома, чтоб, значит, муж у нее не помер до срока»* (А. Н. Гасова). Аналогичный запрет распространялся и на солдаток: *«Вот пока мужик на войне ли, в армии ли просто, до песенника ни-ни — если вдоветь не хочешь ни-ни, с мужиком что случится»* (Г. М. Пикина). Считается также, что вдова может хранить песенник, но уже не должна им пользоваться. Она либо может после определенного срока траура петь песни, не пользуясь своими записями, либо дать песенник для переписки: *«Вдовая если — песни чего ж не петь. Праздник какой, работа там. Но уж песенник — нет, тут уж что помнишь. Там дать можешь, а вот чтоб сама — ни-ни. Если вдовая тетрадку-то возьмет, то уж тут беда будет — сама ли хворая, дети ли...»* (Т. П. Ивлева).

66 Вероятно, этим объясняется довольно частая ситуация, когда исполнитель,

только что спевший несколько песен, достает песенник и отдает его собирателю со словами: *«Вот тебе тетрадочка, перепиши, чего не спела, у меня тут много понаписано, но уж все не помню, а петь нельзя — вдовая. <Так Вы же только что пели? — Соб.> Так я ж по памяти, а так с тетрадкой нельзя, вдовая я»* (В. А. Серова).

Наконец, надо сказать о способах уничтожения любых рукописных тетрадей. Считается, что уничтожать записи можно только в огне, и то это крайне нежелательно: *«Если вот уж не нужна никак тетрадка, ну, ее сжигали, но не в доме — на дворе сжигали. Только в первой половине дня. Если в доме сжечь — тараканы замучают. Вот, говорят, сколько буковок будет в тетрадке, столько тараканов в избе. Не выведешь»* (Е. И. Самоилова). Большинство исполнителей полагают, что тетради и вовсе не нужно уничтожать: *«Кто тетрадку такую выбросит или там сожгёт, тот болеть будет тяжело»* (А. С. Егунова). Верят, что если тетрадка не нужна, то ее нужно кому-то передать. Именно этим очень часто объясняется существование больших собраний, в которые входят разрозненные материалы самого разного содержания. Причем владельцы таких собраний могут не использовать записи, а выступать только хранителями тетрадей, попавших к ним после смерти первого владельца: *«А я и не знаю, что тут есть. Вот померла одна, у нее была тетрадь, кума померла — у ей тоже тетрадка. Дочь ейна пришла: “Возьми, кока, ты вот в церкву ходишь”. Ну, вот положила, лежит тут. Сжечь-то нельзя, а пускай лежит у боженки»* (Л. И. Гарина). Иногда тетради становятся памятью об умершем родственнике: *«Вот у мамы тетрадь была, такая тетрадочка, она туда молитовки-то записывала. Вот мама помёрла, мне вроде как не надо, так вот брат взял — вроде как память. У его хранится, на Божьей полке»* (З. А. Антонова).

* * *

Как видно из приведенных примеров, на территории Владимирской области широко распространены нор-

мативы, регулирующие обращение с рукописными тетрадями. Возникает вопрос о времени появления запретов данного типа. Скорее всего они не являются образованиями последнего времени, а существовали и в XIX в. Это может быть связано с наделением человека, умеющего читать и писать, чертами «знающего»: «Ране-то как к образованным относились: счетовод или там техник, да читает и пишет. О, он знат, он другой, он чего скажет — то так и есть. Уважали их, опасались, кабы не сделал что» (А. И. Моисеева). Отсюда стремление научиться читать. Корреспонденты Тенишевского бюро в 90-х гг. XIX в. сообщали что «все крестьяне посылают своих детей учиться» [Быт 1993]. К тому же на территории Владимирской губернии кроме православных были и старообрядцы, среди которых процент грамотных людей был достаточно высок. Взаимодействие двух конфессий было активным (существовало много семей, одни из членов которых принадлежали к старообрядчеству, а другие — к никонианству; в границах одной деревни жили представители обеих конфессий и т. д.). Таким образом, уже в конце XIX в. число людей, в той или иной степени владеющих грамотой, было велико. Об этом свидетельствуют и различные предметы утилитарного назначения, на которых имеются надписи различного характера. С другой стороны, написанному «слову» приписывалось зачастую большее значение, чем устному. Отсюда особое отношение к различным рукописным молитвам и заговорам, используемым пастухами, рыбаками, пасечниками и мельникам как «отпуск»; молитвам, которые дают с собой новобранцам или прикалывают к платью невесты. Вероятно, следует говорить о том, что широкое распространение веры в силу рукописного слова и запреты, с ним связанные, возникли преимущественно в конце XIX — начале XX в. На данный момент владельцами тетрадей являются люди 1920—1930-х гг. рождения. Таким образом большинство имеющихся в нашем распоряжении текстов — это записи второй половины XX в., хотя

есть и более ранние. Отметим, что в настоящее время мы наблюдаем рост веры в силу печатного слова («Раз эти заговоры в книжках печатают — значит, сила в этих словах есть, а что от руки переписано, может, и с ошибкой, может, и не поможет, а раз в книжке пропечатано — тут уж что, тут уж правильно») (Е. А. Абрамушкина). В то же время крайне редко, но встречаются сведения о нормах обращения с печатными книгами, прежде всего Библией и Псалтырью.

Литература

Адоньева, Овчинникова 1993 — Традиционная русская магия в записях конца XX века / сост. С. Б. Адоньевой и О. А. Овчинниковой. СПб., 1993.

Архипова 2001 — Архипова А. С. Ролевые структуры детских анекдотов // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции. СПб., 2001. С. 298—338.

Афанасьев 1862 — Несколько народных заговоров / Сообщены А. Н. Афанасьевым // Летописи русской литературы и древности. М., 1962. Т. 4. Отд. 3. С. 72—80.

Бобров, Финченко 1986 — Бобров А. Г., Финченко А. Е. Рукописный «отпуск» в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII — начало XX в.) // Русский Север. Л., 1986. С. 135—164.

Богословский 1925 — Богословский П. С. Кунгурские рукописные заговоры и их научное значение // Кунгуро-Красноуфимский край. Кунгур, 1925. № 3. С. 25—28.

Борисов 2002 — Борисов С. Б. Рукописный девичий рассказ. М., 2002.

Буслаев 1849 — Буслаев Ф. И. Об одном старинном русском заклятии (Письмо к М. П. Погодину) // Москвитянин. 1849. Ч. 5. № 20. Отд. 3. С. 103—112.

Бучилина 1999 — Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области) / сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. Е. А. Бучилиной. М., 1999.

Быт 1993 — Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселев. СПб., 1993. № 431. С. 267—268.

Веселовский 1881 — Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха // Сборник отделения русского языка

- и словесности Имп. академии наук. СПб., 1881. Т. 28. № 2. С. 1—150.
- Веселовский 1895 — *Веселовский А. Н.* Молитва св. Сисиния и Верзилово коло // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 5. С. 226—234.
- Гусев 1961 — *Гусев В. Е.* Экспедиция в Костромскую область // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 6. М.; Л. 1961. С. 130—131.
- Добровольская 2002 — *Добровольская В. Е.* Типы и функции магических запретов, связанных с исполнением некоторых жанров фольклора // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 4. М., 2002. С. 112—123.
- Добровольская 2005 — *Добровольская В. Е.* «Грозные праздники» в системе календарных дат Муромского района // Живая старина. 2005. № 2. С. 18—21.
- Добровольская 2006 — *Добровольская В. Е.* Категория «хорошее/плохое время» в традиционной культуре Центральной России // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. М., 2006. С. 276—292.
- Добровольская 2007 — *Добровольская В. Е.* «Молитовки петь грешно...» // Живая старина. № 2, 2007. С. 26—28.
- Добровольская 2008 — *Добровольская В. Е.* Традиционные нормативы, связанные с народным календарем // Традиционная культура. 2008. № 3. С. 65—80.
- Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е.* Прескрипции, регулирующие заговорно-заключительную практику (На материалах Владимирской и Ярославской областей) // Традиционная культура. 2009. № 1. С. 39—51.
- Добровольская 2010 — *Добровольская В. Е.* «Все знали, что война будет...» // Живая старина. 2010. № 2. С. 18—21.
- Елеонская 1912 — *Елеонская Е. Н.* Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII ст. // Русский архив. 1912. № 4. С. 611—624.
- Елеонский 1954 — *Елеонский С. Ф.* Сказки в быту и рукописной литературе XVIII века // Учен. зап. Мос. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. Т. 34. Каф. рус. лит.-ры. Вып. 3. М., 1954. С. 85—113.
- Зинченко 1998 — *Зинченко Ю. И.* Духовный стих «Сон Богородицы» в контексте устной и письменной культуры // Староладожский сборник. Старая Ладога, 1998. С. 11—35.
- Ипполитова 2008 — *Ипполитова А. Б.* Религиозные стихи: рукописная традиция // Традиционная культура. 2008. № 3. С. 80—88.
- Ипполитова 2008a — *Ипполитова А. Б.* Русские рукописные травники XVII—XVIII вв. Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008. С. 83—84.
- Корепова 2009 — *Корепова К. Е.* Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009.
- Лихачев 2006 — *Лихачев Д. С.* Текстология. М., 2006.
- Майков 1869 — *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб, 1869.
- Неклюдов 1997 — *Неклюдов С. Ю.* Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и традиционной культуре. Вып. 2. Berkeley, 1997. С. 77—89.
- Никитина 1993 — *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Новиков 2000 — *Новиков Ю. А.* Русская традиция в фольклоре старообрядцев Литвы // *Zmogus ir zodis*. Т. 2. № 2. Vilnius, 2000. С. 57—65.
- Ончуков 1911 — Северные народные драмы. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1911.
- Порфирьев 1891 — *Порфирьев И. Я.* Апокрифические молитвы по рукописям Соловецкой библиотеки // Труды Четвертого археологического съезда. Казань, 1891. Т. 2. 3-я паг. С. 1—24.
- Симони 1899 — *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и прочего XVII—XIX столетия. Вып. 1. СПб., 1899.
- Смилянская 1995 — *Смилянская Е. Б.* Заговоры из рукописных материалов XVIII века // Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 362—370.
- Соболева 2000 — *Соболева Л. С.* Устная и рукописная традиции апокрифического сюжета «Сон Богородицы» // Устная и рукописная традиции. Екатеринбург, 2000. С. 209—246.
- Судогда 2001 — *Добровольская В. Е.* Обряды совершеннолетия у девушек и суеверные представления, связанные с месячными // Фольклор Судогодского края. М., 2001. С. 178—180.
- Тихонравов 1898 — *Тихонравов Н. С.* Отреченные книги древней России // Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 127—255.
- Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Иван Головосек // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 368—370.
- Топорков 2005 — *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв., М., 2005.
- Фадеева 1995 — *Фадеева Л. В.* Письменная заговорная традиция (проблемы собирания и изучения) // Материалы международной конференции «Фольклор и современность», посвященная памяти проф. Н. И. Савушкиной. М., 1995. С. 38—45.

Шапов 1863 — *Шапов А. П.* Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (православного и старообрядческого). Приложение I. Заговоры, извлеченные из рукописей старообрядческих // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. Ч. 117. № 1. Отд. 4. С. 54—63.

Щепанская 2001 — *Щепанская Т. Б.* Гадания: гендерный проект // Мифология и повседневность: гендерный подход подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции. СПб., 2001. С. 181—186.

Список исполнителей

1. Е. А. Абрамушкина — Абрамушкина Екатерина Алексеевна, 1928 г. р., с. Шубино, Гороховецкий р-н. ЦРФ-1027.

2. З. А. Антонова — Антонова Зоя Алексеевна, 1938 г. р., с. Борисово, уроженка с. Пестерькино, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1141.

3. М. И. Алексеева — Алексеева Мария Ивановна, 1920 г. р., с. Непейцыно, Судогодский р-н. ЦРФ-467.

4. М. Ф. Безбородова — Безбородова Мария Федоровна, 1930 г. р., д. Бережки, Судогодский р-н. ЦРФ-664.

5. В. И. Беляева — Беляева Валентина Ивановна, 1949 г. р., уроженка д. Бельково, в настоящее время проживает в п. Новлянка, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-18.

6. М. К. Борисова — Борисова Мария Ксенофонтовна, 1908 г. р., с. Картмазово, Судогодский р-н. ЦРФ-652.

7. Н. И. Борисова — Борисова Нина Ивановна, 1919 г. р., д. Малое Юрьево, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1142.

8. В. С. Бровентьева — Бровентьева Валентина Степановна, 1935 г. р., уроженка с. Иволина, с 1980 — д. Копнино, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007. 33-12-А-4.

9. Т. П. Бровкина — Бровкина Тамара Павловна, 1923 г. р., уроженка г. Шуи, с 1940 г. проживает в д. Бельково, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-18.

10. В. Н. Буйлова — Буйлова Валентина Николаевна, 1940 г. р., г. Гороховец, Гороховецкий р-н. ЦРФ-Р-Э:0003.

11. К. Г. Бушкирева — Бушкирева Клавдия Григорьевна, 1929 г. р., уроженка д. Бельково, в настоящее время проживает в д. Бельково, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-19.

12. А. Б. Волганова — Волганова Антонина Борисовна, 1919 г. р., с. Фоминки, Гороховецкий р-н. ЦРФ-957.

13. Л. И. Гарина — Гарина Любовь Ивановна 1941 г. р., д. Непейцыно, Судогодский р-н. ЦРФ-473.

14. А. Н. Гасова — Гасова Александра Николаевна, 1918 г. р., д. Копнино, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007.33-12-А-5.

15. В. П. Глебова — Глебова Валентина Петровна, 1946 г. р., уроженка д. Паршово, с 1974 г. проживает в п. Красная Горбатка, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-30.

16. А. С. Егунова — Егунова Аграфена Степановна, 1918 г. р., д. Куприяново, Гороховецкий р-н. ЦРФ-1032.

17. А. Н. Емельянова — Емельянова Анна Николаевна, 1918 г. р., уроженка д. Паршово, с 1974 г. проживает в п. Красная Горбатка, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-30.

18. П. И. Жигалина — Жигалина Полина Ивановна, 1934 г. р., уроженка д. Троицко-Колычёво, с 1962 г. проживает в п. Первомайский, образование 4 класса, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-2.

19. Е. А. Жильцова — Жильцова Евдокия Алексеевна, 1927 г. р., п. Волосатое, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007. 33-12-А-8.

20. А. А. Завьялова — Завьялова Александра Александровна, 1931 г. р., уроженка с. Крюково (Гусь-Хрустальный район), с 1962 г. проживает в п. Первомайском, образование 4 класса, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-22.

21. Т. П. Ивлева — Ивлева Тамара Петровна, 1935 г. р., д. Петраково, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1074.

22. Т. Г. Калинина — Калинина Татьяна Григорьевна, 1920 г. р., уроженка д. Хвосцово, в настоящее время проживает д. Бельково, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-20.

23. В. Н. Козлова — Козлова Валентина Николаевна, 1948 г. р., уроженка д. Надеждино, с 1950 г. проживает в п. Красная Горбатка, работник культуры, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-29.

24. Л. И. Куркова — Куркова Лидия Ильинична, 1924 г. р., уроженка д. Жары, в настоящее время проживает в д. Жары, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А01.

25. А. И. Логинова — Логинова Антонина Ивановна, 1921 г. р., с. Драчёво, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007. 33-12-А-6.

26. А. Майкина — Майкина Алена, 1995 г. р., с. Фоминки, Гороховецкий р-н. ЦРФ-1018.

27. В. Л. Маркасова — Маркасова Вера Леонидовна, 1927 г. р., уроженка с. Эдемского (Камешковский район), образование 7 классов, с 1948 г. проживает в п. Первомайском, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-22.

28. Н. А. Маркова — Маркова Нина Алексеевна, 1933 г. р., д. Шипилово, Судогодский р-н. ЦРФ-664.

29. А. И. Моисеева — Моисеева Антонина Ивановна, 1920 г. р., д. Петраково, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1073.

30. Е. А. Моисеева — Моисеева Елена Алексеевна, 1923 г. р., уроженка д. Митрофаново, в настоящее время проживает в д. Митрофаново, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-09.

31. Г. И. Никитина — Никитина Галина Ивановна, 1931 г. р., уроженка с. Соронец, с 1940 г. проживает в с. Ильинском, с 1957 г. — в д. Большое Григорово. АЦРФЭ-2009. 33-12-А-21.

32. Г. М. Пикина — Пикина Галина Михайловна, 1925 г. р., уроженка с. Карачарова, Муромский р-он, с 1954 г. проживает в п. Красная Горбатка, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007. 33-12-А-3.

33. Н. С. Рогожина — Рогожина Нина Сергеевна, 1936 г. р., д. Чулково, Гороховецкий р-н. ЦРФ-1021.

34. К. М. Рогоськина — Рогоськина Клавдия Матвеевна, 1929 г. р., д. Степаньково, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1079.

35. Н. П. Рожкова — Рожкова Нина Петровна, 1923 г. р., с. Кавардицы, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1224.

36. Е. И. Самоилова — Самоилова Екатерина Ивановна, 1925 г. р., уроженка с. Булатникова, Муромский р-н, с 40-х гг. проживает в д. Переложниково, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007. 33-12-А-13.

37. З. В. Святова — Святова Зинаида Васильевна, 1931 г. р., д. Петраково, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1076.

38. В. А. Серова — Серова Валентина Александровна, 1941 г. р., д. Курково, Селивановский р-н. АЦРФЭ-2007. 33-12-А-12.

39. Л. С. Сорокина — Сорокина Лидия Сергеевна, 1939 г. р., с. Панфилово, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1136.

40. А. И. Шубина — Шубина Анна Ивановна, 1918 г. р., д. Пестерькино, Муромский р-н. ЦРФ-Э-1239.

Summary. *The paper deals with traditional prohibitions and prescriptions regulating the usage of hand-written collections of texts of the religious and magic content as well as the usage of songbooks. Some norms and rules of calendar character as well as prescriptions connected with age, social and physiological status of a person are treated. The conclusion is that the norming rules for treating hand-written writing-books have emerged during late XIXth — early XXth centuries and are still in active usage though in partially transformed state.*

Key words: *folklore studies, cultural anthropology, superstitions, prohibitions and prescriptions, traditional rules and norms.*

С. В. ПРОСИНА
(Москва)

НАДПИСИ НА ТРАДИЦИОННЫХ ПОЛОТЕНЦАХ

XIX — первой половины XX в.

Аннотация. *В статье рассматривается бытование надписей на традиционных полотенцах XIX — первой половины XX в. Уникальность этого явления состоит в том, что в народных вышивках текст употреблялся и как информационная система, и как элемент декоративного оформления этого текстильного предмета. Вышитый текст как зрительный образ слова заменял традиционный орнамент и наделял полотенце особым сакральным смыслом.*

Ключевые слова: *вышитый текст, традиционный орнамент, лицевое шитье, композиция вышивки.*

Традиция оформлять текстильные изделия надписями была широко распространена во многих регионах России. Наряду с орнаментами вышитые слова являлись важной составляющей декоративного убранства лицевого шитья еще в XVI—XVII вв. [Маслова 1978, 26]. В данной работе мы обозначим основные направления использования текста в вышивке традиционных русских полотенцев XIX — первой половины XX в.

Многие исследователи, занимавшиеся изучением вышивальных традиций, отмечали вкрапление текста в основной орнамент в качестве декоративного или информационного дополнения¹ (чаще всего это указание имени мастерицы или хозяйки предмета, даты, название населенного пункта). В этом качестве надписи появляются на полотенцах в середине XIX в. и с разной интенсивностью бытуют на них до 70-х гг. XX в., другими словами ровно до того момента, когда в деревне происходит угасание традиционной ручной вышивки как ремесла, а сфера применения полотене-

¹ См. работы разных лет В. Я. Яковлевой, Н. П. Работновой, Н. А. Поповой, И. Я. Богуславской, Г. С. Масловой, Е. Э. Бломквист, С. П. Шаховской, Н. П. Гринковой и др.